

5. Краткая энциклопедия... Т. 3. Кн. 1. С.118.
6. Потомственный почтенный гражданин Иркутска, купец 1, а затем 2 гильдии. Участник и соучредитель крупнейших компаний Восточной Сибири. См. Краткая энциклопедия...Т. 3. Кн.2. С.111-112.
7. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции. Новосибирск, 1997. Т. 3. Кн. 3. С.49-50
8. Макушин П.И. Клевета в печати. Томск, 1904. С. 4-5, 50; Андриянов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1902.
9. Крекнин Г.Я. Ревнитель света - П.И.Макушин. Томск, 1916. С.103.
10. Краткая энциклопедия... Т. 3. Кн. 1. С.62-63.
11. Нагель З.П. О присуждении Макушину П.И. золотой медали Вольного экономического общества // Школьное обозрение, 1889. № 11.
12. Рубакин Н.А. Деятельность П.И.Макушина в области народного образования // Мир божий. 1892. № 8. С.27-34; Андриянов А.В. Особый человек // Сибирская жизнь. 1919. 13 июня; Мезьер А. Словарный указатель по книговедению. М., 1924, Т.УШ. С. 132-133; Наумова-Широких В.Н. Петр Иванович Макушин // Сибирские огни, 1926, №4; Ваганов К. Друг просвещения // Северная Азия. 1926. № 6. С.103-105.

Зайцева Е.В. (Екатеринбург)

Налоговая политика в 1929-1932 гг. в Уральской области

Система крестьянских повинностей в 1920-1930-х гг. включала денежную и натурально-продуктовую повинности. Денежная повинность состояла из сельскохозяйственного налога, который был введен в 1923 г., им облагались доходы личных хозяйств колхозников и единоличников, получаемые во всех отраслях. Еще одной важной формой осуществления денежной повинности крестьянства являлись государственные займы. Они представляли собой привлечение денежных или натуральных средств населения с обязательством возврата этих средств государством по истечении определенного срока. С 1927 г. займы стали ежегодными, причем размер их размещения постоянно увеличивался. Натурально-продуктовая повинность представляла собой обязательные поставки государству отдельных продуктов.

Сельхозналогом облагались доходы от земледелия и животноводства. С 1928 г. сельскохозяйственный налог исчислялся следующим образом: для единоличных хозяйств были установлены «в зависимости от общей суммы их облагаемого дохода, от всех источников, процентные надбавки к исчисленному доходу от сельского хозяйства» (1). В Уральской области процентная надбавка применялась для хозяйств, имеющих в 1928 г. облагаемый доход свыше 400 руб. В области устанавливались следующие размеры надбавок: от 5% при доходе свыше 400 руб. и до 25% при доходе свыше 1000 руб. Удельный вес хозяйств, которые платили в 1928 г. сельхозналог с процентной надбавкой, составлял в Уральской области 22,9% от общего числа хозяйств, и они заплатили 67% общей суммы налога 1928 г. (2).

Также в 1928 г. в отношении 3% хозяйств был введен индивидуальный порядок обложения сельхозналогом. В индивидуальном порядке должны были облагаться зажиточные, кулацкие хозяйства. Апрельский (1928 г.) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в резолюции «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной компании на 1928/29 год» записал, что наступление на кулачество «... должно развиваться путем систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплуататорских стремлений (законодательство о труде, аренде, земельная политика вообще и т.д. и т.п.), с одной стороны, и с другой стороны – путем всемерной и всесторонней поддержки кооперирования широких масс крестьянства, всех видов коллективного хозяйства, организации деревенской бедноты и систематического роста всех форм и методов государственно-планового воздействия на рынок и мелкое крестьянское хозяйство» (3). Хозяйства, отнесенные к кулацким, стали облагаться налогом в индивидуальном порядке. Был расширен перечень признаков кулацких хозяйств, резко повышено обложение неземледельческих доходов. На хозяйства, обложенные индивидуальным налогом, никакие льготы не распространялись. Поскольку все кулацкие хозяйства подлежали обложению, то значит – все они лишались льгот.

Сущность индивидуального обложения состояла в том, что облагаемый доход хозяйства определялся не в общем порядке, а по действительной доходности хозяйства, то есть по рыночной стоимости. Система индивидуального обложения учитывала доходы крестьянских хозяйств из различных источников, и не только сдерживала рост накопления, но в большинстве случаев вела к экспроприации этих хозяйств.

С 1928 г. было повышено налогообложение доходов от второстепенных и неземледельческих заработков. Рост облагаемого дохода от данных заработков происходил, в большей мере, не за счет увеличения производства или большего выявления и привлечения к обложению скрытых источников дохода, а за счет увеличения процента, привлекаемого к обложению. Так, в Уральской области процент привлечения к обложению условно чистого дохода от различных крестьянских промыслов увеличился в среднем с 41% в 1927 г. до 75% в 1928 г., т.е. прирост в среднем в 1,8 раза (4).

Все вышеуказанные меры вели к росту абсолютных размеров сельхозналога. В Уральской области в 1927 г. было фактически собрано 17,9 млн. руб., а на следующий год – 31,9 млн. рублей. Проведенные в 1928 г. мероприятия привели к перераспределению тяжести налогообложения в пользу зажиточного с середняцкого крестьянства.

В целом налогообложение сельхозналогом в 1928 г. в Уральской области носило полярный характер, т.е. резкое ослабление обложения од-

ной части крестьянства и еще более резкое его повышение для другой. Государство таким образом пыталось разрешить хлебозаготовительный кризис, но принятые меры, наоборот, усугубили ситуацию в производстве хлеба, так как из-за повышения налогообложения крестьяне начали сокращать источники дохода, посев.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР о едином сельскохозяйственном налоге от 23 февраля 1930 г. устанавливались три различные системы обложения: обложение колхозов и колхозников, обложение единоличных хозяйств и особая система обложения кулацких хозяйств. Для колхозов и колхозников был установлен принцип не прогрессивного, а пропорционального обложения доходов, причем ТОЗам предоставлялось меньше льгот, чем коммуна и артелям. Кулацкие хозяйства облагались налогом в индивидуальном порядке. Для них была установлена специальная шкала. Минимальное обложение должно было составлять 20% доходов хозяйства (при доходе 500 руб. в год), а максимальное – 70% (при доходе свыше 6000 руб.). При этом налог должен был уплачиваться в один срок – до 1 октября окладного года.

Если учесть, что помимо сельскохозяйственного налога кулацкие хозяйства должны были платить еще по самообложению, на различные виды неналоговых платежей: по обязательному окладному страхованию (необходимость принудительного страхования почти всего крестьянского имущества), за распространяемые в «добровольно-принудительном» порядке облигации госзаймов (например, в 1933 г. проводился «займ второй пятилетки», который проводился под лозунгами: а) сто процентный охват подписки на заем всех трудящихся города и села; б) трехнедельный заработок «в заем второй пятилетки» (5)), акции Трактороцентра и др., то на практике поборы с них более чем вдвое превышали их годовой доход. Значит, для уплаты всех налогов нужно было распродать значительную часть имущества, что вело к прямому разорению.

29 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР издал закон о самообложении населения. Самообложение представляло из себя сбор средств на местные нужды (строительство школ, больниц, дорог), проводившийся по решению сельского схода. Его предполагалось проводить на началах добровольного соглашения граждан. Всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. устанавливал обязательность его для всех граждан данного селения (б). В Уральской области самообложение было распространено с 1929 г., с предложением о его применении выступили Уралобком и Сибирский краевой комитет. Сельским Советам принадлежало право определять и цели самообложения, и его общую сумму, и размер индивидуальных взносов в виде одинакового для всех жителей данного селения процента к сельхозналогу. Кроме того, сельсоветы сами распоряжались средствами, собранными по самообложению. Причем эти

средства могли расходоваться только на цели, предусмотренные постановлением сельского схода о самообложении, и тратить их на какие-либо другие нужды, в том числе административные, было запрещено (7).

В 1931 г. в налоговой политике произошли изменения. Налоговый пресс особенно на крестьян единоличников усиливался. Беднейшие хозяйства, ранее освобождавшиеся от налогов, теперь должны были их платить (8). К обложению были привлечены ранее не учитывающиеся доходы единоличников от продажи своей продукции на рынке (9).

Произошли изменения и в самообложении. С 1931 г. ставки самообложения стали устанавливаться законом, причем впервые вводятся дифференцированные ставки для разных групп крестьян. Раньше размеры взносов по самообложению у крестьян одной деревни были разными, но принцип определения индивидуальных взносов – процент к сельхозналогу – был для всех один. Теперь крестьян разбили на группы – колхозники, единоличники, кулаки – и размеры самообложения стали зависеть от принадлежности к той или иной группе. Размер самообложения с крестьянина единоличника составлял от 50 до 150% оклада сельхозналога, а крестьяне, отнесенные к группе кулаков, должны были уплачивать два оклада сельхозналога (10). С 1933 г. сельсовет перестал распоряжаться средствами, собранными по самообложению. По сути, самообложение стало своего рода местным налогом (11).

В 1931 г. правительство постановило провести «единовременный сбор на нужды хозяйственного и культурного строительства в сельских районах». Культсбор «в процессе его дальнейшего проведения превратился в постоянный источник доходов бюджета без закрепления поступающих по нему средств за определенными видами бюджетных расходов» (12).

Таким образом, в результате проведения налоговой политики колхозам и колхозникам предоставлялись льготы, а для единоличных хозяйств и особенно зажиточной их части были установлены повышенные ставки налога. Для кулацких же хозяйств, к которым нередко относили и середняков, устанавливалась специальная шкала доходов с резко выраженной прогрессией. При доходе сверх 500 руб. на хозяйство взыскивалось 100 руб. дохода, т.е. 20%, а при доходе сверх 500 руб. до 700 руб. – 30%, от 700 до 1000 руб. – 40% и т.д. С учетом же самообложения и культсбора крестьянские хозяйства, имевшие доход от 500 до 700 руб. в год должны были платить налогов на сумму до 90% годового дохода, т.е. фактически весь доход, а при доходе от 700 до 1000 руб. – 120%, т.е. не только весь годовой доход, но и средства от вынужденной продажи части орудий и средств производства.

В результате в Уральской области план мобилизации средств населения, начиная со второго полугодия 1932 г. не выполнялся: третий

квартал не был выполнен на 73,7%, четвертый – на 97,4%, первый квартал 1933 г. – 84,8% (13). Мобилизация средств населения в 1933 г. в Уральской области составила: по сельхозналогу – 21900; по самообложению – 22755; по подоходному налогу с физического лица – 27500; по отчислениям от культсбора – 18000; от окладного страхования – 3600; от государственных займов – 21200; от единовременного налога – 1000 руб. (14).

Налоговая политика в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была подчинена задаче стимулирования коллективизации, то есть увеличению темпов колхозного строительства и ликвидации кулацко-зажиточных хозяйств.

1. Цит. по: Глебов А.Н. Сельхозналог 1928 года в Уральской области как средство решения хлебозаготовительного кризиса // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 148.

2. Цит. по: Там же.

3. Цит. по: Гришанов В.П. Экономическое наступление на кулачество в Свердловском округе накануне сплошной коллективизации // Из истории сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1973. С. 35.

4. Цит. по: Глебов А.Н. Указ. соч. С. 149.

5. ГАСО. Ф. Р-1939. Оп. 1. Д. 1. Л. 201.

6. Хироси Окуда. Самообложение 1928-1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины // History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1). Токуо, 2002. С. 102-103.

7. Буртина Е. Коллективизация без «перегибов». Налоговая политика в деревне в 1930-1935 годах // Октябрь. 1990. № 2. С. 168.

8. Там же. С. 162.

9. Там же.

10. Там же. С. 168.

11. Там же. С. 169.

12. Там же. С. 169.

13. ГАСО. Ф. Р-1939. Оп. 1. Д. 1. Л. 208.

14. Там же.

Земцов В.Н. (Екатеринбург)

Куда исчезает «микроистория»? (размышления о «незатухающем» споре вокруг московского пожара 1812 года)

Эпоха постмодернизма, «вошедшая» в отечественную историческую науку в конце XX в., привела к таким методологическим сдвигам, которые, при всей своей схожести на аналогичные процессы в западной историографии, несут неизбывную печать русской особенности. Так и «микроистория», родившись в рамках западноевропейской и американской культурно-исторической антропологии, не только приобрела в России национально-своеобразные формы и даже обнаружила национальные истоки своего существования в работах отечественных авторов начала XX в., но и демонстрирует неожиданную траекторию своей эво-